

## ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙСКИХ СТОЛИЦ И ФОРМИРОВАНИЕ МОСКОВСКО-ПЕТЕРБУРГСКОЙ МИФОЛОГИИ В XVIII–XIX ВЕКАХ

*Формирование московско-петербургской мифологии рассматривается в статье в общеевропейском контексте развития образов столичных городов, в первую очередь крупнейших из них — Парижа и Лондона. Анализ этих образов в сравнении с петербургским и московским показывает, что в них, особенно это касается Петербурга и Лондона, очень много общего. Как представляется, главной причиной такого сходства является то, что в XVIII–XIX вв. крупнейшие города Европы переживали период трансформации из города эпохи традиционного, аграрного общества в города индустриальной эры. И реакция деятелей культуры на эти процессы, в каком бы государстве и городе Европы они не жили, была одинаково болезненной и тревожной. Кризис традиционного общества казался им началом гибели европейской культуры вообще. Кроме того, в статье приведен ряд типичных примеров описаний известными европейскими путешественниками российских столиц, которые повлияли на формирование московско-петербургской мифологии как в Европе, так и в России.*

Ни в одной стране мира взаимодействие двух крупнейших городов столь явно не определяет систему координат развития культуры, как в России отно-

шения Москвы и Петербурга. Но «бицентризм не является исключительным свойством отечественной истории. Это, скорее, норма, в которой отражена диа-

---

логическая природа всякого подлинно исторического пространства. Как «Мюнхен/Берлин» для Г. Гейне или «Любек» для Т. Манна, как «Париж/провинция» для А. Дюма, Стендаля, Бальзака или Ф. Саган<sup>1</sup>. Сравнение Парижа и французской провинции особенно репрезентативно в этом смысле<sup>2</sup>. Соглашаясь в принципе с этим утверждением К. Г. Исупова, необходимо, однако, отметить, что та форма бицентризма, которую представляют в России Москва и Петербург, является все же явлением уникальным для мировой культуры. В таких ключевых для развития европейской культуры странах, как Франция и Великобритания, у Парижа и Лондона в культурном диалоге нет равноценных партнеров среди городов и развитие культуры в целом идет через взаимодействие столицы и провинции, что, конечно, не исключает содержательных реплик тех или иных провинциальных центров. В Италии, сравнительно недавно обретшей национальное и культурное единство, наоборот, столица — Рим, находится в напряженном культурном взаимодействии сразу с несколькими близкими ему по влиянию на развитие страны центрами — Миланом, Туринном, Неаполем. Из наиболее значимых европейских культур ближе всего к русской кажется ситуация в немецкой, польской и испанской, где несомненный отпечаток на особенности и направленность культурного процесса оказывают взаимодействие Берлина и Мюнхена, Варшавы и Кракова, Мадрида и Барселоны. Но нигде, кроме России, взаимоотношения двух крупнейших городов не приобретают форму постоянного выбора типа культуры и цивилизационного выбора. Да и по концентрации элит Москва+Петербург ближе к Парижу и Лондону, чем к Берлину или Мадриду. Такие

оценки не отменяют необходимости использовать при изучении московско-петербургского взаимодействия традиций взаимоотношений важнейших городских центров, которые сложились в других национальных культурах. В том числе и сравнительно молодых, с точки зрения взаимодействия крупнейших городских центров (Нью-Йорка и Лос-Анджелеса в США, например). В различных национальных культурах, кроме того, сложилась определенная традиция научной рефлексии, связанной с развитием их историко-культурных центров<sup>3</sup>. Ее сравнение с русской традицией изучения Москвы и Петербурга также может помочь увидеть общее и особенное в том, какое место занимают российские столицы в развитии русской культуры, что в русских оценках собственных столиц проистекает из общих закономерностей самооценки урбанизирующихся обществ, а что отражает особенности именно русской городской культуры.

Понимание того, как русская культура формировала образы Москвы и Петербурга в их взаимодействии, будет очень неполным без учета того влияния, которое оказывала на русское сознание западноевропейская культура восприятия города, в том числе русского, и русских впечатлений от этих городов. Во-первых, здесь надо говорить о традиции сравнения и противопоставления городов, существующей в ряде национальных европейских культур. Во-вторых, многие европейские города из разных государств, особенно столичные, также постоянно подвергались сравнению и противопоставлению, и это также стало частью общеевропейской культурной традиции. В-третьих, важнейшие, наиболее значимые в культурно-историческом смысле города Европы сами по себе являлись глубоко противопо-

---

речивыми явлениями, и в различные исторические периоды очень разные их черты становились актуальными для русского наблюдателя, озабоченного идеей московско-петербургского сравнения. Наконец, с позиций современного исследователя для понимания московско-петербургского феномена нельзя обойтись без выяснения того, что в представлениях русских людей об особенностях взаимоотношений российских столиц действительно было порождено специфическими условиями развития национальной истории и культуры, что было отражением нарастающей включенности России в европейские контексты и взаимовлияния, а в чем проявлялись российские особенности кризиса традиционного общества, который в любой стране мира выявлялся в культуре через противопоставление Города и Деревни.

В эпоху московского царства иноземные города воспринимались россиянами как сугубо идеологические феномены, так как увидеть их воочию даже для знати было делом практически невозможным. Многие из этих феноменов, как, например, Иерусалим или Константинополь, вообще уже не существовали в реальности в том виде, в каком они жили в национальном сознании. Среди других выделялся Рим, который, никак не связанный с его телесной оболочкой, воспринимался как духовная антитеза Москвы. Вот почему усилия Петра связать Санкт-Петербург с римской традицией могли ощущаться современниками и ближайшими потомками не только как попытка завершить римский счет новым вариантом Третьего Рима, но и как кощунственное воплощение московско-римского противостояния на русской земле. И здесь, по-видимому, также лежат исто-

ки будущих московско-петербургских противопоставлений.

Петровская эпоха открыла россиянам мир европейских городов. Они оказались очень разными, но именно взгляд со стороны позволил Петру уловить в них некий «инвариант», который он попытался воплотить на берегах Невы. Россиян начинает интересовать не только внешний облик и внутренняя жизнь этих городов, вслед за иностранными описаниями юного Петербурга и старинной Москвы появляются записки русских путешественников о посещении европейских стран и городов<sup>4</sup>, постепенно этот жанр становится одним из популярнейших в русской литературе. Те из путешественников, кто не оставлял записок, своими рассказами тоже способствовали формированию русского мнения об иностранных городах, в котором неизбежно присутствует их сравнение с российскими. Заграничные походы русской армии, особенно в компанию 1813–1814 гг., открывают европейских города и для массы простолюдинов, одетых в солдатскую форму.

Характерное для первой половины царствования Петра увлечение Голландией и Амстердамом уже во второй его половине и, по крайней мере, в области культуры, сменяется ориентацией на Францию. Париж на два века становится для Петербурга и Москвы законодателем мод. Виды Парижа, его описания в специальных сочинениях и художественной литературе формируют в XVIII веке представление высших сословий России о том, как должен выглядеть, как и чем жить настоящий европейский город. Идеи Руссо, для которого город и, в первую очередь, Париж был средоточием порождаемого цивилизацией зла, способствовали развитию русского сентиментализма, в своеобразном прелом-

---

лении которого начала формироваться литературная антитеза Петербурга и Москвы. Она воспринималась некоторыми сентименталистами как город иного, чем Париж и Петербург, типа, как город, неразрывно связанный с природой. Цепь французских революций конца XVIII–XIX веков способствовала развитию у правящего класса российского государства страха перед городом — источником революционных потрясений. Восстание декабристов подтвердило обоснованность этих опасений и страх увидеть, как Петербург превращается в революционный Париж, будет культивироваться до тех пор, пока он не претворится в реальность. Якобы патриархальная, Москва в этом смысле была для российской власти не только анти-Петербургом но и анти-Парижем.

Еще П. Корнель утверждал: «Париж — в моих глазах это не край, а роман»<sup>5</sup>. На формирование художественного образа Москвы и Петербурга как городов-антагонистов большое влияние оказала французская «натуральная школа», которая вскрывала «язвы Парижа», описывая тяжелейший в истории любого города переход к индустриальной фазе развития. И хотя Петербург, по крайней мере, до 60-х годов XIX века, по своей социальной структуре и экономическому развитию был достаточно далек от Парижа, вся тяжесть порой гениальной в ее лучших художественных образцах социальной и этической критики была обрушена русской литературой именно на него. Петербург в русской литературе, как и Париж во французской — не только фон, но и прямой участник, а порой и соучастник событий. Одиноким человек, герой, чаще всего только по своему литературному амплуа, безнадежно противостоит огромному городу. И, может быть, столь притягательная

духовная сила русской литературы девятнадцатого столетия, почти недоступная французской, да и другим европейским литературам этого века, зиждется на ее неизжитом идеализме, на вере, что кроме Петербурга на русской земле есть еще и Москва, где все может быть иначе, все по-другому.

Большая литература шла рука об руку с массовой, и здесь парижане тоже во многом определяли моды. Заимствуются не только жанр — такой, например, как «физиологические очерки»<sup>6</sup>, но и парижский лексикон — публикуются книги «Брюхо Петербурга»<sup>7</sup> (по аналогии с французским «чревом Парижа»), «Язвы Петербурга»<sup>8</sup>, массовая петербургская литература полна подражаний французской, и «Парижские тайны» Э. Сю легко превращаются в «Петербургские трущобы» В. Крестовского. Нельзя не отметить, что физиологический очерк получает распространение и в московской публицистике<sup>9</sup>, а «чрево Москвы» удостоилось описания в различные эпохи даже дважды<sup>10</sup>. Но, несмотря на то, что жизнь московского дна в произведениях Гиляровского<sup>11</sup> выглядит ничуть не лучше, чем петербургского — в описаниях Михневича, например, в сознании читателей и в русском сознании вообще именно Петербург утвердился как город, несущий в Россию европейские политические и социальные болезни, которых, как все еще наивно надеялась значительная часть русских людей, их Родина все-таки сможет избежать. И снова при этом с надеждой оглядывались на Москву.

Таким образом, Париж XIX века, его внешний облик, особенно после реконструкции во времена второй империи, его ценности, его ритм, его культура, его растущая промышленность — все это служило оправданием существования

---

Петербурга в глазах одних русских людей и приговором — во мнении других. Подобное можно сказать и о Москве. Но чем дальше шествовал по планете «век девятнадцатый, век железный», тем большее влияние на образ московско-петербургского противостояния стал оказывать образ новой «столицы мира» — Лондона, хотя принципиально характер его воздействия был схож с парижским.

На примере того, как на протяжении веков складывался образ Лондона, легко увидеть, что многие из черт, которые ассоциируются с образами Петербурга и Москвы и порой кажутся уникальными, на самом деле характерны и для других крупнейших городов мира с богатой политической и культурной историей. Из поколения в поколение за Лондоном следовал образ ада. «Поэзия XIX века превратила это сравнение в клише: горожане — "сатанинское сонмище", в лондонском воздухе разлит "бурый inferнальный мрак"... Образов Вавилона и Содома поэтому хоть отбавляй, однако город символизирует ад и в другом смысле, более глубоком. Здесь предельная точка упадка и уныния»<sup>12</sup>. «В историях о Лондоне... полно одиноких и неприкаянных персонажей, еще острее чувствующих свою изолированность на полных суеты городских улицах»<sup>13</sup>. В 1863 году после поездки в Лондон Достоевский писал: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, в очию совершившееся»<sup>14</sup>. Представляется вполне логичным предположить, что память о Лондоне отразилась на восприятии писателем Петербурга, в котором он также увидел черты побеждающего Вавилона. В XIX веке Лондон очень многими воспринимался как город будущего других городов, урбанистиче-

ский миф для всего света, но Петербург связывала с ним целая система образов, созданная английской культурой. Для Диккенса Лондон: «черный пронзительный город», «черствый город», «безнадежный город без единого просвета в свинцовом пологе его небес»<sup>15</sup>. В лондонском воздухе как будто разлиты тревога и страх. У. Блейк пишет в стихотворении Лондон: «На всех я лицах нахожу / Печать бессилья и тоски»<sup>16</sup>. Генрих Гейне «жаловался, что "этот непомерный Лондон подавляет воображение и угнетает душу"»<sup>17</sup>. Нельзя не отметить и «описание страха, вызываемого Парижем, где «страшное разлито в каждой частице воздуха» — в «Записках Мальте Лауридаса Бригге» Рильке»<sup>18</sup>.

Лондон, как и Петербург, находится во власти губительного тумана. Современный исследователь Лондона П. Акройд вообще утверждает, что «туман можно назвать главным персонажем художественной литературы XIX века»<sup>19</sup>. По крайней мере, по отношению к лондонской и петербургской литературе это утверждение не кажется чрезмерным преувеличением. Например, в романе Стивенсона «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» «объектом превращения, подмены стал... сам город, который преобразился, когда "туман на миг разрывался, и сквозь крутящиеся клубы пробивался чуть живой луч дневного света"»<sup>20</sup>. Этот город непостижим<sup>21</sup>. По выражению Т. С. Элиота, Лондон стал «нереальным городом»<sup>22</sup>. Одновременно Лондон — город таинственных превращений, пророчеств и мифов одновременно угнетает «своей одинаковостью. Это был самый большой город на свете — и в то же время самый безликий, распространявший свою скуку во все стороны»<sup>23</sup>.

---

Лондону, как средоточию мирового зла, постоянно пророчили гибель. «Хорейс Уолпол изображает некоего перуанского туриста, который приехал в Англию, чтобы лицезреть руины собора святого Павла. Маколей следует за каким-то новозеландцем, которому во что бы то ни стало нужно постоять на Лондонском мосту и сделать зарисовки живописных развалин. Но дальше всех зашел Шелли, который переносит нас в день, когда «Собор Святого Павла и Вестминстерское аббатство превратятся в бесформенные, безымянные развалины и будут стоять посреди безлюдного болота»<sup>24</sup>. Невольно вспоминается Лермонтов, который любил рисовать покрытый водами Петербург с торчащей из воды вершиной Александринской колонны...

С раннего средневековья, если не со времен римлян, Лондон, как и Париж, были главными городами своих стран, и для национального сознания они несли в себе все признаки столичного города. Неслучайно поэтому образу Лондона, например, присущи не только «петербургские», но и «московские» черты. Так, Акройнд отмечает «живучесть города, многократно возрождавшегося из руин и пепла. Такие возрождения для него чрезвычайно характерны»<sup>25</sup>. Как писал поэт Драйден, воспевавший Лондон, возрожденный после великого пожара 1666 года:

Мягкосердечие на царственность сменя,  
Восстал из пепла город горделивый:  
Раздвинул улицы, поднявшись из огня,  
Крыла же распростер на нивы<sup>26</sup>.

Целью настоящего исследования не является подробный анализ влияния образов тех или иных городов на становление и развитие образа московско-петербургского единства противополо-

ложностей. И список их, конечно, не ограничивается Парижем и Лондоном: в него можно включить Рим и Венецию, Берлин и Вену, в XX веке — Нью-Йорк. Но, как представляется, влияние Парижа и Лондона, столиц двух наиболее развитых (в том числе и культурно) стран мира, в XVIII–XIX веках было наиболее значительным. Нужно учитывать и то, что существовала многовековая традиция сравнения Парижа и Лондона<sup>27</sup>, и в этой паре Петербургу был все же ближе Лондон, а Москве — Париж. И дело здесь не только в сходствах и различиях климата («Природа подарила Парижу два самых ценных дара, составляющих красоту любого города: реку и холмы»<sup>28</sup>) — для парижан и Москва была городом не только на востоке, но и на далеком севере. Русское представление об англичанах как о чопорных и холодных людях сближало петербуржцев с лондонцами, а жизнерадостность и порывистость, приписываемые русским сознанием французам, позволяли ощущать некоторое сходство москвичей с парижанами или, по крайней мере, резче отделять москвичей от лондонцев и петербуржцев.

Изучение истории крупнейших городов Европы, в том числе Петербурга и Москвы, особенно в эпоху индустриального перехода, показывает, что их образы и мифы, нашедшие отражение в литературе и искусстве, в научных спорах того времени, воплотившиеся в жизненном поведении поколений людей, отражают общие закономерности развития городов в период кризиса традиционного общества и перехода к обществу индустриальному. И в этом смысле из произведений Бальзака и Гюго, Гоголя и Достоевского, Диккенса и Теккерея и многих других авторов можно составить собирательный образ Города нового

---

времени, города, оторвавшегося от деревенских корней, но еще не привыкшего жить по новым, городским законам, да еще и не создавшего их. Порожденные этим цивилизационным кризисом художественные стили и направления сделали очень многое не только для того, чтобы показать драму этого нового Города, но и художественно обострить ее. Россия в этом отношении отличалась только некоторым запаздыванием в развитии, которое, к тому же, несколько компенсировалось в Петербурге его созданием как образцового, «собирательно-го» европейского города, сосредоточением здесь политических и экономических ресурсов страны, ее лучших культурных сил, большим числом талантливых и предприимчивых иностранцев, которые постоянно обитали в северной столице. Благодаря этому московско-петербургские противоречия были не только отражением того, какой болезненной и опасной, при всей ее плодотворности, оказалась для России европейская прививка, но и сохранявшимся до середины XIX века цивилизационным отставанием Москвы от Петербурга. Ведь неслучайно, что такой авторитетный исследователь, как М. Вебер, считал, что до отмены крепостного права Москва с экономической точки зрения оставалась городом феодального типа<sup>29</sup>. Одновременно другой авторитет в изучении перехода от традиционного общества к обществу индустриальному, Ф. Бродель, придавал существенное значение роли Петербурга в этом процессе и посвятил ее оценке целую главу своего основного труда по этому вопросу<sup>30</sup>. И только в конце XIX — начале XX века, с началом в России индустриальной эры, с бурным развитием экономики и культуры Москвы это отставание исчезает. Более того, в развитии свободного пред-

принимательства, в творческих исканиях деятелей культуры она оставляет позади Петербург. Москву называют «нашим Парижем», и она уже готова соперничать с Парижем французским.

Понимание того, что в сходных исторических условиях и при свободном и быстром распространении по Европе новых научных и художественных идей портреты крупнейших городов континента у творцов культуры из разных стран создавались по принципиально единой схеме, не снимает проблемы того, какими идеологическими и художественными средствами воссоздавалось своеобразие Парижа и Лондона, Петербурга и Москвы.

Увидеть реальную глубину и происхождение многих московско-петербургских образов поможет также изучение непосредственного влияния на них образов других городов, различных авторских интерпретаций этих образов, художественной и интеллектуальной моды, наконец. Вряд ли мы когда-нибудь узнаем, повлияли ли пророчества Шелли о судьбе Лондона на Лермонтова, рисовавшего Петербург, скрытый потопом. Но мы знаем другое: убеждения и исповедуемый обоими поэтами художественный метод сближал их в неприятии города-Вавилона — будь то Петербург или Лондон.

Классическим и печальным примером влияния того, что происходило в европейских столицах, на судьбу Москвы и Петербурга может служить марксизм. За жизнью лондонской бедноты наблюдали Маркс и Энгельс. П. Акرويد справедливо заметил: «...положение, сложившееся в Лондоне к середине XIX века, оказало прямое воздействие на основоположников коммунистического мировоззрения; их взгляды, можно сказать, были порождением лондонских трущоб, и те вик-

---

торианские наблюдатели, которые считали, что повсеместное присутствие бедных вызовет к жизни некую великую или пугающую новую реальность, были не так уж далеки от истины. Лондонская беднота и вправду породила новую расу или класс — но в далеких от Англии странах и цивилизациях»<sup>31</sup>. И родилась эта «новая реальность», увы, в Петербурге и Москве.

Посещавшие Россию иностранцы воспринимали ее столицы в неизбежном сравнении со столицами их собственных государств. И описания российских столиц многочисленными иностранными визитерами также внесли определенный вклад в формирование московско-петербургского мифа. Восторженными отзывами иностранных путешественников о взрослеющем Петербурге можно заполнить многие страницы. Например, прибывший в Россию в 1785 году французский посол граф Сегюр писал, что новая российская столица стала «одним из богатейших, замечательнейших городов в Европе»<sup>32</sup>. Одновременно он отмечал его противоречивость: «Вид Петербурга вселяет двойное удивление; здесь слились век варварства и век цивилизации..., азиатские и европейские манеры, ...блестящая и гордая знать и погруженный в рабство народ»<sup>33</sup>. Москву, при всех ее архитектурных отличиях, Сегюр описал примерно в тех же выражениях: «это смешение хижин простолюдинов, богатых купеческих жилищ, великолепных дворцов гордого и многочисленного дворянства, ...народы дикие и цивилизованные, европейское общество и азиатские базары»<sup>34</sup>. Англичанин У. Кокс, посетивший Россию на несколько лет раньше, был «совершенно поражен огромностью и разнообразием Москвы». Он писал: «...в первый раз моему вниманию представал город столь беспоря-

дочный, столь необычный, столь исключительный и противоречивый»<sup>35</sup>. Известный авантюрист Д. Казанова побывал в России в самом начале царствования Екатерины II, в 1764 году, но щедро поделился с читателями в своих мемуарах мыслью, которой было суждено очень быстро стать банальностью: «тот кто не видел Москвы, не видел России, и тот, кто встречал русских только в Петербурге, не знает русских»<sup>36</sup>.

Так в XVIII веке формируется стереотип европейского восприятия российских столиц, для которого характерно противопоставление европейского Петербурга азиатской Москве, при одновременном признании обманчивости, пусть и несколько по-разному, внешнего облика обоих городов, их внутренней противоречивости. Нет сомнений, что русская образованная публика, страдающая комплексом европейской неполноценности, была самым внимательным читателем всех европейских отзывов о Москве и Петербурге. И, конечно же, пришедшие с запада мнения оказали определенное влияние на формирование восприятия российских столиц самими русскими. Одновременно, если говорить о Петербурге, «в немалой степени благодаря дотошным чужеземным бытописателям сегодня возможно достаточно отчетливо и в подробностях разглядеть, в какой пропорции и каким образом двоящийся лик столицы соединял в себе черты благопристойной бритой немецкой физиономии просвещенного St.-Petersburga и бородатой, неказистой рожи абсолютно российского Питера с печатью нетронутой самобытности»<sup>37</sup>.

Весьма существенно, что иностранцы, посещавшие Москву и Петербург, не только способствовали формированию московско-петербургского «мифа контраста», но и делали этот миф общеевропей-



---

ским достоянием еще до того, как западный читатель познакомился с «петербургским текстом» русской литературы. Даже холодный наблюдатель маркиз де Кюстин был очарован видом с Поклонной горы: «Огромное множество церковных глав, острых, как иглы, шпилей и причудливых башенок горело на солнце над облаками дорожной пыли, в то время как самый город и линия горизонта скрывались в дрожащем тумане... Игра света, отраженного этим воздушным городом, — настоящая фантазмагория среди бела дня, которая делает Москву единственным городом, не имеющим себе подобного в Европе»<sup>38</sup>. Но когда де Кюстин спускается вниз, в реальный город, увиденное разочаровывает его: «Издали Москва — создание фей, мир химер и призраков, но вблизи она — большой торговый город, хаотический, пыльный, плохо вымощенный, плохо застроенный»<sup>39</sup>.

Славянофилы и их последователи любили говорить о псевдоевропейскости Петербурга, рассматривая ее как одно из проявлений мнимости, ложности петрова детища. Москва воплощала для них истинность и русскость. Но симптоматично, что де Кюстин, посетивший Россию в николаевское время, в 1839 году, не Петербург, а именно Москву назвал грузной и неудачной копией Европы<sup>40</sup>. Сказав так, де Кюстин был зорек и слеп одновременно. Зорек, так как, в отличие от записных московских патриотов, увидел, что Москва вслед за Петербургом необратимо европеизируется. Слеп, ибо как сторонний зритель и иностранец не смог оценить своеобразия московского способа усвоения европейского архитектурного опыта. Одним из источников этой своеобразности и было то, что европейские архитектурные образцы перенимались через посредничество Петербурга. Московские жители, от князей

и графов до купцов и мещан, не упускали случая позлословить насчет «немецкого» Петербурга, но удержаться от подражания ему не могли. В результате пафос величественной петербургской архитектуры снижался до потребностей уютного московского быта, а очередной модный стиль порой использовался на грани пародии. Перейти эту грань мешала камерность построек и их органичное сочетание с другими, им подобными. На строгую гармонию петербургской застройки того времени московские улочки и тупички отвечали, если судить по европейским (как это сделал Кюстин) и петербургским канонам, очевидной дисгармонией. Но не случайно именно такую давно исчезнувшую Москву любили Пушкин и Толстой, любили русские люди XVIII–XIX веков. В Москве сохранялась стройность повседневной полудеревенской жизни, лишенной чрезмерной петербургской серьезности и пустой суеты, а потому куда более органичной и близкой к жизни многих поколений предков. Редкие сохранившиеся островки этой Москвы и сегодня пленяют как знак памяти об очень дорогом, но давно утраченном. Так, отвечая Петербургу, Москва творила из пришедших отсюда архитектурных форм только ей присущий архитектурный стиль. И уже под воздействием Москвы, как двойное эхо, формировались провинциальные архитектурные предпочтения.

Петербург представлялся де Кюстину «нагим и пустынным»<sup>41</sup>, а описывая Невский проспект, он замечал, что «этот великолепный проспект доходит, становясь все безлюднее, некрасивее и печальнее, до самых границ города и малопомалу теряется в волнах азиатского варварства, со всех сторон заливающих Петербург»<sup>42</sup>. Москва, в свою очередь,

---

представлялась ему большим, но слабо населенным городом<sup>43</sup>. В этих замечаниях отразился противоположный русскому взгляд на градостроение, иное понимание городского пространства. Постоянно горевшие древнерусские деревянные города приучали горожан селиться широко, а масштабы страны позволяли городам занимать обширные области. Поэтому «широко раскинувшиеся, невысокие хоромы» с «небольшими оконцами», о которых писал А. Бенуа, защищая оригинальность петербургской архитектуры, всегда, пусть и в иных архитектурных формах, строились и в Москве. «Чинное величие английского искусства, нарядная суровость наполеоновской Франции, казарменная грузность Берлина, наследованное от барокко изящество итальянской классики..., холодная торжественность Петербурга — все это разнообразно, но в основе едино. В это разнообразие должна по справедливости войти еще одна маска бессмертной классической красоты — уютный идиллический особняк Москвы, созданный в атмосфере безмятежной патриархальности русской столицы... В старых улицах Москвы и подмосковных усадьбах создавались нежные гармонические формы, не знающие себе подобных нигде»<sup>44</sup>.

Свой вклад в развитие образов Москвы и Петербурга внесли даже далекие от России испанцы. Так, у Х. Валеры, прибывшего в Россию в составе испанского посольства вскоре после смерти Николая Павловича, Петербург вызвал «...восхищение. К Москве же его отношение несколько ироническое. Сочетая в себе западную цивилизацию и варварство, Москва, с его точки зрения, если и напоминает Рим, как кое-кто считает, то лишь тем, что построил ее Атилл, возвращавшийся из Рима и вознамерившийся соз-

дать нечто, напоминающее то, что он видел в столице цезарей»<sup>45</sup>. Талантливая книга Валеры «Письма из России» пользовалась в Испании и Европе большой популярностью.

Куда более чутким к красоте Москвы был такой ее тонкий ценитель, как Т. Готье: «На эспланаде Кремля, когда панорама Москвы разворачивается перед вами, вы от восторга буквально больше не ощущаете себя»<sup>46</sup>. Отдал должное Готье и Петербургу в летнюю ночь: «Что может сравниться в великолепии с этим золотым городом на серебряном горизонте, над которым вечер белеет рассветом»<sup>47</sup>. Как и другие европейские книги о России, книги Валеры и Готье, или, например, А. Дюма, который «восхищался дивной панорамой Петербурга», но которому «при более внимательном рассмотрении всех этих дворцов и садов они показались оперной декорацией»<sup>48</sup>, внимательно читали в Петербурге и в Москве, и отраженным светом вспышки московско-петербургских споров возвращались с Запада домой. Тем более, что при всей критичности настроя иностранных наблюдателей их симпатии, в основном, оставались на стороне Петербурга, что противоречило настрою, господствующему в русском обществе, начиная с 1830-х годов и практически до конца XIX века.

Уже триста лет Петербург и Москва — не только главные центры развития русской культуры, но и, наряду с Парижем и Лондоном, Римом и Веной, Варшавой и Прагой, может быть, еще с десятком городов континента, — важнейшие звенья в цепи европейских городов, скрепляющей европейскую культуру. И понимание московско-петербургских взаимоотношений будет неполным без этого общеевропейского контекста.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> *Исунов К. Г.* Диалог столиц в историческом движении // Москва — Петербург: pro et contra. СПб., 2000. С. 46.
- <sup>2</sup> Там же.
- <sup>3</sup> См., например: *Акройд П.* Лондон. Биография. М., 2005.
- <sup>4</sup> См., например: *Фонвизин. Н. М.* Карамзин «Записки русского путешественника». М., 1984.
- <sup>5</sup> Цитата по: Париж. М., 1976. С. 89. Данное издание представляет собой хрестоматию, содержащую фрагменты из трудов ряда выдающихся специалистов по истории, географии, экономике Парижа, написанных в 1950-х — первой половине 1970-х гг.
- <sup>6</sup> Физиология Петербурга, 1845. М., 1984.
- <sup>7</sup> *Бахтияров А. А.* Брюхо Петербурга. СПб., 1887.
- <sup>8</sup> *Михневич В.* Язвы Петербурга. Опыт историко-статистического исследования нравственности столичного населения // Исторические этюды русской жизни. СПб., 1886. Т. 3.
- <sup>9</sup> См., например: *Бабилов К. Н.* Физиологические очерки московских нравов // Якорь. 1863. № 5; *Евстигнеев М. Е.* Москвичи с натуры. М., 1884; *Левитов А. И.* Московские воры и трущобы. Т. 1–2. СПб., 1866 и др.
- <sup>10</sup> *Бахтияров А. Н.* Чрево Москвы // Колосья. 1891. № 9–11; *Тан (Богораз В. Д.)* Чрево Москвы // Россия. М., Пг., 1922. № 1.
- <sup>11</sup> *Гиляровский В. А.* Москва и москвичи. М., 1983.
- <sup>12</sup> *Акройд П.* Лондон. Биография. М., 2005. С. 572–573.
- <sup>13</sup> Там же. С. 67.
- <sup>14</sup> Там же. С. 661.
- <sup>15</sup> Там же. С. 141.
- <sup>16</sup> Там же. С. 233.
- <sup>17</sup> Там же. С. 234.
- <sup>18</sup> *Топоров В. Н.* Петербургский текст русской литературы. СПб., 2003. С. 90.
- <sup>19</sup> Там же. С. 499.
- <sup>20</sup> Там же. С. 499.
- <sup>21</sup> Там же. С. 114.
- <sup>22</sup> Там же. С. 869.
- <sup>23</sup> Там же. С. 667.
- <sup>24</sup> *Мортон Г.* В поисках Лондона. Красота и величие столицы мира. СПб., 2005. С. 66.
- <sup>25</sup> *Акройд П.* Указ. изд. С. 57.
- <sup>26</sup> Там же. С. 282.
- <sup>27</sup> См., например: Париж. М., 1976. С. 36.
- <sup>28</sup> Там же. С. 39.
- <sup>29</sup> *Вебер М.* Город // История хозяйства. Город. М., 2001. С. 388.
- <sup>30</sup> *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм: В 3 т. М., 1986. Т. 1.
- <sup>31</sup> *Акройд П.* Указ. изд. С. 680.
- <sup>32</sup> *Сегюр А. Ф.* Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 315.
- <sup>33</sup> Цитата по: *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 60.
- <sup>34</sup> Там же. С. 62.
- <sup>35</sup> Там же. С. 74.
- <sup>36</sup> Там же. С. 108.
- <sup>37</sup> *Гордин М. А.* Екатерининский век: Панорама столичной жизни. Кн. 1. СПб., 2004. С. 68.
- <sup>38</sup> *Кюстин А.* Николаевская Россия. С. 232–233.
- <sup>39</sup> Там же. С. 233.
- <sup>40</sup> Там же. С. 233.
- <sup>41</sup> Там же. С. 140.

- 
- <sup>42</sup> Там же. С. 141.
- <sup>43</sup> Там же. С. 233.
- <sup>44</sup> *Шамурин Ю.* Очерки классической Москвы. М., 1915. Цит. по: *Мешков В. М.* Москва вечная. М., 1997. С. 452–453.
- <sup>45</sup> *Багно В. Е.* «На другой духовной широте...» (Образ России в Записках испанских путешественников) // *Образ России (Россия и русские в восприятии Запада и Востока)*. СПб., 1998. С. 138.
- <sup>46</sup> *Готье Т.* Путешествие в Россию // *Хрестоматия по географии России. Образ страны: Русские столицы*. М., 1993. С. 53.
- <sup>47</sup> Там же. С. 93.
- <sup>48</sup> *Дюма А.* Учитель фехтования // *Хрестоматия по географии России. Образ страны: Русские столицы*. М., 1993. С. 94.

**S. Smirnov**

### **IMAGES OF EUROPEAN CAPITALS AND THE FORMATION OF MOSCOW — PETERSBURG MYTHOLOGY IN THE XVIII–XIX CENTURIES**

*The formation of Moscow — Petersburg mythology is presented in the European context of the development of capital city images, first of all the largest of them - Paris and London. The analysis of these images in comparison with St. Petersburg and Moscow ones shows that in these cities (especially Petersburg and London) there is a lot in common. The main reason of such similarity seems to be caused by the fact that in the XVIII-XIX centuries the largest cities of Europe experienced a period of transformation from the city of the epoch of traditional and agrarian society into the city of an industrial era. And the reaction of representatives of art professions to these processes (no matter what state and city of Europe they lived in) was equally painful and concerned. The crisis of the traditional society seemed to them to be the beginning of a total European culture destruction. There are also a number of typical examples of Russian capitals descriptions made by well-known European travelers, who influenced the formation of Moscow — Petersburg mythology both in Europe and in Russia.*